

ЧЕЙЗЕР 2

Крутой вираж

Вероника
МЕЛАН

Знаки соблазна

Вероника Мелан

Чейзер. Крутой вираж

«Вероника Мелан»

2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Мелан В.

Чейзер. Крутой вираж / В. Мелан — «Вероника Мелан»,
2016 — (Знаки соблазна)

ISBN 978-5-17-100687-7

Когда счастье искрится, словно пузырьки в бокале шампанского, и ничто не предвещает беды... Когда кажется, что так будет всегда: прекрасная жизнь, любимый мужчина рядом... Чудесная сказка. Но всего одна жестокая ошибка – не твоя, а чужая, – и ты оказываешься там, где ничего этого нет. Еще не случилось. В прошлом. И он... твой Чейзер... Он тоже здесь. Но нужна ли ты ему теперь?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-100687-7

© Мелан В., 2016
© Вероника Мелан, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Вероника Мелан

Чейзер. Крутой вираж

© В. Мелан, 2016

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Глава 1

– Вставай, принцесса.

– М-м-м, а уже пора?

Лайза потянулась, нежась на шелковых, украшенных розовыми лилиями простынях, и сонно улыбнулась.

– Еще чуть-чуть... полежи со мной, Мак.

– Не могу.

– Ну полежи... Я тебя обниму, прижмусь к тебе, и мы посопим. Пять минут.

Стоящий у шкафа высокий темноволосый мужчина рассмеялся.

– Ты сама просила тебя разбудить – сегодня ждет клиент. Тот самый, ради которого ты решила делать проект. Я говорил, оставь его своим дизайнерам, но ты бываешь чертовски упертой, красавица.

Из-под натянутого на лицо одеяла раздалось недовольное «м-м-м-м».

– Мы могли бы заняться чем-нибудь интересным...

– Не сомневаюсь. Неинтересным мы давно не занимаемся, и, поверь, я готов по первому зову, но мне нужно идти на работу – Дрейк вызывает.

– Он всегда вызывает не вовремя.

– Не ворчи, вечером мы наверстаем упущенное.

Тот, кто стянул с ее лица одеяло, теперь смотрел на сонную, со спутанными черными волосами Лайзу и мягко улыбался. Глаза цвета прелой листвы, темная щетина, красиво очерченные и чуть дерзкие от неизменного изгиба губы – идеальный представитель мужского пола. Идеальный спутник жизни. Ее идеальный Мак Аллертон.

– Я заказал тебе круассаны к завтраку. Через пять минут доставят. Спустишься?

– Угу.

– Тогда я пошел.

– Люблю тебя.

– Я тоже тебя люблю, чертенок. Увидимся вечером. И надень то белье, что я купил вчера.

– То, где есть две ниточки и три сеточки, через которые все видно?

– Точно.

Вместо ответа Лайза загадочно улыбнулась и хитро прищурила глаза.

– Нет-нет! Дразнить будешь позже. Вечером!

Он знал ее наизусть. Легкое касание губ – нежнейший поцелуй, ее пятерня в его волосах, а через несколько секунд – хлопнувшая дверь и оставшийся в комнате запах мужского парфюма.

М-м-м-м, какое прекрасное утро. Если бы не клиент, ради которого нужно подниматься...

Ах, да! Через пять минут доставят круассаны.

Одеяло упало с кровати, и в тот же момент пропал и сон. Словно улетел из комнаты в приоткрытое окно, за которым царило лето.

* * *

– Как видите, помещение очень большое, в нем много перегородок. Дизайн будет сложным, в смешанном стиле – Виола бы хотела, чтобы из коридора в кухню вел арочный свод. И несколько колонн. Это возможно?

– Конечно.

Сидя в просторной гостиной Лайнела Боуэна – одного из самых богатых предпринимателей Нордейла, который только что приобрел новую, пока еще пустую квартиру в центральном небоскребе на Парк-Интен-Драйв, – Лайза рассматривала разложенные по всему столу широкоформатные фотографии.

Ему, Лайнелу, очень шел легкий бежевый пиджак, с которым идеально сочетался красно-коричневый галстук: оба предмета одежды выгодно подчеркивали русые волосы, загорелую кожу и ореховые глаза – стилист миллионера поработал на славу. Лайзе нравились клиенты с хорошим вкусом – такие могли полноценно оценить ее талант в разработке уникальных и неповторимых стилей интерьера.

– Мы поэтому и попросили заняться этим проектом именно вас. Во-первых, сами за себя говорят ваши работы. Нет, мы, конечно, просмотрели портфолио каждого из ваших дизайнеров, но таких работ, как у вас, нет ни у кого из них. Во-вторых, нам вас настоятельно рекомендовал Стив Маккилен, с которым вы работали ранее.

– Да, я его помню. Очень приятный человек.

– Мой друг, – гордо заявил Лайнел и улыбнулся. Затем откашлялся и вновь стал деловитым. – Позвольте детально рассказать вам, что будет находиться в каждой комнате...

Лайза достала блокнот и принялась делать пометки, параллельно раздумывая о том, чем займется после встречи. Наверное, домой она пойдет пешком – скажет Боуэну, что не нуждается в водителе (хотя спасибо ему за то, что ее так любезно доставили сюда), прогуляется до торгового центра в летнем сквере, отдохнет, посидит возле фонтанов, съест в кофейне на первом этаже кусочек любимого десерта, просмотрит захваченную впопыхах при выходе из дома почту. Там, конечно, ничего интересного, но вдруг? Заодно разносит новые прекрасные туфли от Kiadi – будет млеть от собственного отражения в каждой витрине, ведь они так хорошо сочетаются с белым брючным костюмом.

Если бы Мак не ушел так рано, он бы точно не удержался – достал бы ее, как конфетку из обертки, и наслаждался бы каждым кусочком, и в итоге на работу опоздали бы они оба. Ничего, еще увидит. Вечером. И снимет.

Лайза улыбнулась собственным мыслям и покачала ногой; в солнечном свете блеснул на лакированной поверхности декоративный ромбик – ее обновка, ее отличный выбор, ее шикарные новые туфли. А вокруг – отличный день и обещающий стать прекрасным вечер.

Жизнь хороша. И если у кого-то она была лучше, чем у нее, Лайза никогда в жизни бы не поменялась – никогда и ни за что!

Как может стать лучше то, что уже прекрасно?

* * *

В два часа дня кофейня пустовала.

Лайза заняла дальний столик, бросила на диван дорогую сумку и достала только что подписанный контракт – полюбовалась напечатанной снизу цифрой, счастливо вздохнула и зажмурилась.

Ее полмиллиона долларов! Ее собственные первые полмиллиона! А-а-а!

Конечно, Мак хорошо зарабатывает и в деньгах они не нуждаются, но ведь это самый первый ее собственный ощутимый заработок – и за что? Аванс за любимую работу, к которой хотелось приступить уже сегодня. Чувствуя, как от нетерпения зудят ладони, Лайза приказала себе успокоиться, но не удержалась и расплылась в широкой счастливой улыбке. Вот Мак обрадуется! За нее, за успешный бизнес, за умение находить клиентов – таких клиентов!

Эх!

Подошедшая официантка записала в блокнот заказ – огромную чашку кофе и малиновый торт со взбитыми сливками, – вежливо кивнула и удалилась.

Так, с чего бы начать? Точнее, чем продолжить чудесный день? Позвонить Элли? Обрадовать, что через часок забежит в гости? Полистать фото по проекту, подобрать нужные? Нет, это позже. Ах да, почта – она же прихватила ее на выходе из дома с собой и не успела посмотреть в машине.

Ерзая на мягком диване, Лайза достала несколько сложенных вдвое рекламных проспектов и конвертов и принялась их перебирать. Так, это счета, это приглашение для ее агентства принять участие в аукционе на получение выгодного проекта – пока не надо, они и так завалены работой, – реклама-реклама-реклама, еще один счет...

А это что за конверт? Белый, с голограммой Комиссии и двумя напечатанными словами «Лайзе Аллертон».

На безбрежно синем небе хорошего настроения возникло первое облачко.

Комиссия? Лайзе Аллертон? Что может быть внутри? Зачем?

Подошедшая официантка поставила на стол тарелку с куском торта и чашку кофе, но Лайза тут же отодвинула кофе в сторону; при взгляде на конверт в затылке задрезжал сигнал тревоги.

Должно быть, ошибка. Или же пустяк.

Пустяк с голограммой Комиссии?

Дрожащие руки принялись отрывать сбоку полоску, на свет показался сложенный вдвое листок; глаза спешно побежали по строкам:

«Уважаемая Лайза Аллертон. Уведомляем Вас о том, что вы достигли права совершить Переход на Уровень 15... Прибыть надлежит по адресу... Во избежание санкций со стороны Комиссии Вы должны посетить Портал не позднее шестнадцати часов даты, указанной на обороте...»

Теперь сердце колотилось глухо и болезненно. Переход? Зачем? Ей совсем не нужен этот Переход...

Дата. Где эта чертова дата?

Взгляд застыл – влип, как залипает в клейкую поверхность муха, в цифры. Лайза ощутила холод в позвоночнике.

Это же сегодня.

Сегодня!

Договор, торт, кофе, мысли о проекте и предстоящем вечере – все моментально оказалось забыто; дрожал в руке белый лист бумаги. Взгляд, словно не способный сдержать эмоции неврастеник, носился от одной строчки к другой.

Санкции Комиссии... Портал... Переход.

Ей не нужен – НЕ НУЖЕН – этот чертов Переход!

Что делать, кому звонить?

– Мак? Мак? Ты можешь говорить?

Из телефонной трубки сначала доносился непонятный шорох, затем раздался звук выстрела – Лайза вздрогнула.

– Принцесса... – запыхавшийся шепот в трубке совсем не напоминал знакомый голос, который она привыкла слышать по утрам. – Не могу пока говорить. Перезвоню.

Послышался щелчок и короткие гудки. Какое-то время Лайза одеревенело смотрела прямо перед собой; всё: цветы на подоконниках, мягкие диваны, коричневые столы – все это теперь находилось в другой реальности, не в той, в которой пребывала она сама.

Этот Переход должен состояться через два часа. Уже через два часа... меньше! Через час тридцать семь, а Мак занят, он работает и не сможет ей ничего подсказать. Тогда кто? Как ей быть?

Кофе показался ей безвкусным, торт – приторным, но она продолжала впихивать в себя кусочек за кусочком – знакомое действие, привычное и понятное. Прожевать, проглотить, отломить вилкой еще...

Никогда в жизни она не решалась набрать вбитый когда-то для особого случая номер, но теперь, как ей казалось, этот случай наступил.

Дрейк. Где в контактах Великий Дрейк? Уж он-то точно сможет подсказать, если не пошлет ее куда подальше за то, что оторвала Творца от великих деяний.

Пусть лучше пошлет... Пусть скажет что угодно, но только поможет. Хотя бы советом – двумя словами!

Но Дрейк не послал.

Он вообще не ответил.

Гудки лились один за другим, пока после двадцать пятого, тридцатого (или пятидесятого?) женский голос не сообщил о том, что «абонент недоступен».

Ужас. Наверное, ее впервые в жизни охватил ужас.

Тихо. Сидеть. Успокоиться. Все не так плохо. Кто-то говорил, что совсем не обязательно Переходить на следующий Уровень – всегда можно остаться здесь, надо только сообщить Порталу о своем желании, точнее нежелании уходить – выразить протест против пересечения ненужной черты. Ведь память можно оставить? Меган ведь попросила оставить ей память, значит, можно попросить и о «непереходе».

Какой богатый сюрпризами день. Совершенно не узнавая себя прежнюю – ту, что еще час назад порхала по улице, счастливая от того, что заключила самый выгодный в жизни договор, – Лайза вновь взяла в руки трубку мобильного и принялась искать номер Меган.

Ей, насколько подсказывала память, она тоже собиралась позвонить впервые в жизни.

Мысли плавали, как растаявшее и перемешавшееся разноцветное мороженое – розовое, зеленое, коричневое.

Меган сказала, что с «голосом» можно договориться. Нет, поговорить. Голосу, который звучит в стенах Портала, можно высказать свои желания, а решения уже будут принимать «там».

Где-то там.

Согласятся ли «там» оставить Лайзу на четырнадцатом? Ведь если нет, то она уйдет в новую жизнь, в новые города – туда, откуда не сможет позвонить Маку и где он не сможет ее найти, ведь работникам спецотряда выданы пропуска свободного передвижения по уровням с первого по четырнадцатый. По четырнадцатый, не по пятнадцатый.

И, если она уйдет, Чейзеру не помогут ни его связи, ни способности – а значит, уходить нельзя. Но и не появиться в Портале нельзя – уже всего через час и двенадцать минут, – иначе санкции...

Санкции-санкции-санкции.

Может, наплевать на санкции и порвать письмо? Не получала! А потом уже разбираться с Дрейком, если, конечно, разбираться придет сам Дрейк, а не его послушники в серебристой форме, которым будет наплевать, Аллертон она или не Аллертон. Ведь им может и не быть дела до того, что она женщина одного из любимчиков начальства.

Бл...

Идти придется.

Холод в позвоночнике вернулся.

Кофе остыл, лежали на тарелке превращенные в раскрошенную массу из коржа и крема остатки торта. Застыл внизу договора горделивый росчерк о том, что Лайза согласна взяться за работу и получить за нее какие-то жалкие и невообразимо прекрасные полмиллиона долларов.

Сейчас бы она всё отдала, только бы не видеть странного письма с голограммой. Все, кроме Мака. Даже этот договор. Подумаешь, деньги – заработает еще.

Тикали на запястье часы, им вторили часы на дисплее мобильного; время утекало сквозь пальцы.

И вообще, чего она волнуется? Ну, съездит по указанному адресу, войдет в комнату – или чего у них там? Скажет «не хочу на пятнадцатый» и выйдет довольная – обратно в счастливый день, в счастливую жизнь, в объятия любимого мужчины этим вечером.

Все, наверное, проще, нежели она себе напридумывала, ведь так? Люди склонны надумывать, и она не исключение.

Не нужно бояться того, чего еще не видел. Для чего? Чтобы испортить себе нервы?

С этой напускной бравадой Лайза в третий раз за последние полчаса взяла в руки телефон, чтобы открыть в приложениях карту города и отыскать указанный в письме адрес.

* * *

Теперь она жалела, что не выехала утром из гаража на собственной машине – хотела проветриться с чужим водителем. Что ж, проветрилась – и теперь трясется в пыльном автобусе, глядя на полужнакомые и вовсе не знакомые улицы города.

Артешон-Драйв, 34 – оказалось, что это у чёрта на куличках. Если автобус не будет подолгу стоять на остановках, она едва успеет к месту назначения в срок.

15:28.

До момента «X» осталось всего тридцать две минуты, а Мак даже не знает, в каком направлении она выдвинулась и зачем. У Мака задание, стрельба, шум – Лайза надеялась, что он выйдет из передраги живым. Всегда выходил – это его работа, и он отлично с ней справляется. Несмотря на самовнушение, она все равно волновалась всякий раз, когда он уходил из дома. Что ж, такова жизнь женщины, которая предпочла жить с мужчиной, выбравшим опасную профессию.

Нет, она не жалела – никогда не жалела о том, что они встретились, что пережили вместе взлеты и падения, что выстояли, несмотря на жизненные бури, и преодолели все преграды, что выбрали остаться вместе. Они любили друг друга.

Она ни о чем не жалела, совсем ни о чем, просто волновалась.

А еще хотела как можно скорее выбраться из злополучного Портала.

Лишь бы получилось. Лишь бы только все вышло так, как хотела она, а не кто-то неведомый ей сверху.

За окнами автобуса плыл тонущий в июньской жаре и утопающий в цветах мирный, ничего не подозревающий Нордейл.

* * *

Белая комната-коробка, единственный стул без спинки и экран напротив. Всё.

По непонятной причине Лайзе казалось, что это здание под номером тридцать четыре вообще существовало только для тех, кому предстоял Переход. Люди шли по улице и не видели его – одноэтажный дом-будку, куда она не вошла – ввалилась, красная и запыхавшаяся от бега на высоких каблуках.

Ну почему? Почему в письме не стояла завтрашняя дата? Или послезавтрашняя? Тогда бы они успели обговорить ее действия с Маком, сумели бы найти решение и выход, и она не сидела бы сейчас здесь, глядя на три возникшие на экране картинки с абрисами незнакомых городов незнакомого Уровня.

– Лайза Аллертон, вы предпочитаете переселение в Лоуэр, Данверт или Винтур-Сити? Если вам нужна более подробная информация по инфраструктуре и населению, произнесите вслух слово «Инфо», если желаете выбрать город, то произнесите «один» для выбора города Лоуэр, «два» для выбора города «Денверт» или «три» для...

– Я не желаю переселяться, нет, слышите?

Голос притих. На экране возникла надпись: «Запрос не ясен. Повторите».

Лайза сжала кулаки.

– Я не хочу переселяться ни в один из этих городов! Ни в какой. Я хочу остаться здесь.

– Запрос «здесь» не определен. Пожалуйста, выберите город и произнесите цифру «один», «два» или «три». После этого вам будет предложен список выбора финансовых пакетов, а также...

– Стойте! – она даже привстала с примитивной трехногой табуретки – попросту не смогла усидеть на месте. – Нет! Не хочу уходить с четырнадцатого Уровня, слышите? Хочу остаться в Нордейле, здесь! И сохраните мне память. Я не желаю Перехода!!!

– Вы не желаете Перехода – правильно ли определен запрос?

– Да! – от облегчения кулаки разжались, и Лайза вновь опустилась на стул. Она думала, будет сложнее, но система поняла, кажется, поняла. – Я хочу остаться здесь. И сохраните мне память – я знаю, что это возможно.

– Сохранение памяти – запрос принят.

– И я хочу вернуться обратно, – далекие очертания незнакомых городов не вызывали ничего, кроме ненависти. Пусть они замечательные – эти Лоуэры, Денверты и Виртуры... как их там, но она хочет вернуться домой, и это все. – Я хочу домой.

– Домой?

Система надолго зависла – по экрану побежали цифры; города куда-то пропали.

Лайза вновь почувствовала тревогу и подкатившую к горлу тошноту. Правильно ли она поступила, произнеся слово «домой» вслух, поймет ли его система? Ведь для нее нет дома – есть только написанная внутри какого-то чипа программа.

– Домой, – после паузы вернулся в кабинку голос. Мужской или женский? Станный – она никак не могла определить его пол. – Вы хотите покинуть Уровни?

– Нет!!! – если что-то и могло поставить волосы дыбом, так это фраза «покинуть Уровни». – Я не хочу покидать Уровни! Я хочу вернуться назад. В Нордейл!

Боже, Мак! Она в одном шаге от того, чтобы исчезнуть из этого мира навсегда. Создатель, помоги ей! Мак, ты слышишь? Не дай ей уйти, удержи невидимой рукой...

Теперь пот тек не только по спине, но и по шее, затылку, вискам. В кабине было душно; сердце билось так сильно, что казалось, все тело сотрясается в такт.

– Назад. В Нордейл. – Собеседник-попугай начинал ее злить, однако оставалось ощущение, что искусственный интеллект напряженно работает. – Назад – это в начало?

– Что?

– Вы хотите вернуться в начало четырнадцатого Уровня?

– Я хочу вернуться назад. В Нордейл. Что здесь непонятного?

– Назад. Подтверждение принято.

Откуда-то возникло ощущение неправильности – диалог получался глупым, как если бы его вели два глухих человека. Нет, один глухой человек – она-то ведь не глухая. И не искусственная.

– Лайза Аллертон, сообщаем вам, что Переход на пятнадцатый Уровень был вами отменен. Вы изъявили желание вернуться назад на четырнадцатый Уровень. Подтвердите.

– Да. Подтверждаю.

Верно ли она говорит? Меган утешала: это просто. Наверное, ей было просто...

– Система отправляет вас... – возникла пауза, в течение которой пот с Лайзы стек в сотый раз, – ...назад. Все ли верно?

Все ли верно? Она не знала. Вроде бы.

– Меня отправляют в Нордейл?

– Да.

– То есть я выйду и окажусь на четырнадцатом Уровне, а не где-то еще?

– Выход назначен на четырнадцатый Уровень.

По экрану продолжали бежать цифры – внутреннее беспокойство, словно океанские волны, то отпускало, то накатывало вновь. Вроде бы все верно. Верно. Сейчас она выйдет из будки на знакомую улицу, выдохнет, успокоится и пойдет домой. Нет, не домой: сначала – в ближайший бар, где в кои-то веки выпьет виски. А когда уже «отсохнет», то пойдет домой. Домой – какое же это сладкое слово... Все самое страшное уже позади, она прошла это испытание. Не легко, но прошла.

– Мне... уже можно выходить?

– Дверь разблокирована. Счастливого Пути!

– И вам, – ответила она саркастично и совершенно неискренне, но кто бы заботился об искренности для робота? – счастливого Пути.

И, прежде чем подняться и покинуть будку-Портал, вежливо добавила:

– Спасибо за диалог.

Получеловеческий голос промолчал.

Она вышла на улицу, словно пьяная, – вновь вывалилась из будки, как вываливаются из дверей бара после трех стаканчиков в хорошей компании. Огляделась, убедилась, что вокруг знакомая местность, после чего вдохнула полной грудью и расплылась в счастливой улыбке.

Свободна. Свободна! СВОБОДНА!

Лето, солнце, жара. Она на улице, и она в Нордейле, на четырнадцатом, – что еще нужно для счастья? Лайза сделала несколько шагов, радостно мотнула сумкой и... остановилась. Потому что ощутила, что пятки более не стоят на высоких шпильках.

Что за черт?..

Посмотрела вниз.

Новых туфель больше не было. Вместо них ступни утопали в мягких знакомых кроссовках – тех самых, которые она несколько месяцев назад убрала в стенной шкаф: решила не выкидывать, оставила для редких прогулок или пробежек.

Кроссовки? Да ну и пусть!

Эйфория все еще плескалась в наполненной счастьем голове. Будка, видимо, передела ее – не беда! Главное, выпустила наружу там, где требовалось, а туфли... Ну, они наверняка найдутся дома.

Как и белый костюм...

Вместо дорогой вискозной ткани – металлизированной синтетики – руки теперь скользили по... хлопку.

Что-о-о?

Лайза оттянула подол, с удивлением узнала старый рисунок – в этой майке она иногда, когда было особенно жарко, ходила на работу, но тоже ее давно не носила (с год?), – и раздраженно фыркнула.

Значит, Портал передел ее всю.

Ну и пусть. Наверное, система, выпуская ее наружу, все-таки сбилась. Все эти нули и единицы, непонятные знаки и цифры. Наверное, не смогла симулировать ту же одежду, в которой посетительница вошла внутрь, и, как результат, одела во что попало. Спасибо хоть в свое...

Не особенно напрягаясь по поводу изменившегося внешнего вида, Лайза бодро зашагала прочь от того места на Артешон-Драйв, где ранее стояло небольшое помещение без окон и с единственным входом.

Она оказалась права: стоило выйти наружу, и будка за спиной пропала.

Полноценно оценить «ущерб», нанесенный Порталом одежде, удалось лишь тогда, когда Лайза достигла ближайшей витрины магазина.

Мало того, что на ногах оказались кроссовки, а на теле – старая майка, так еще и руки держали старую сумку – вот зараза. А новая была хороша, очень хороша – Лайза ее любила и теперь отчаянно надеялась, что та тоже найдется дома в шкафу.

Чертова будка! Чертова система. Сложно было выпустить, как выпустила?

Идиоты.

Вытащив руки из карманов не менее старых и разношенных, чем кроссовки, штанов, она толкнула дверь в первый попавшийся бар и направилась к стойке.

Виски! Она себе обещала: как только покинет Портал, сразу же выпьет виски, а обещания нужно выполнять.

Повернувшись было на звук женского голоса завсегдатаи-мужчины быстро уловили грозное выражение лица расположившейся на высоком табурете женщины-фурии, после чего потеряли к даме всякий интерес – с ней им явно ничего не светит – и равнодушно вернулись к созерцанию своих стаканов.

Даме тем временем принесли заказ.

Гораздо сильнее обнаруженного в сумке серебристого мобильного – того самого, который она закинула в ящик стола сразу же после того, как получила в подарок от любимого новый, белый, – ее потрясло отсутствие на пальце кольца.

Кольца Мака.

Ее любимой драгоценности – тонкого ободка и переплетающихся букв «МА» в обрамлении бриллиантов.

Чертова машина! Поганный Портал, что он сделал с ее вещами? Куда он дел все то, что было на ней при входе в ненавистное помещение? Одежда – ладно, но кольцо? Ее бесценное, чудесное, великолепное и любимое до дрожи в коленях кольцо – куда исчезло оно? Вот расстроится Мак! А уж как расстроилась она сама...

Глоток виски, еще один.

Лайза ненавидела крепкие напитки, тем более неразбавленные, но ведь обещала себе, что выпьет, отметит удачно пройденное испытание – порадует, что не попала в переделку.

Да уж, не попала. С каждой минутой верить в это становилось все труднее.

Роясь в бежевой кожаной сумке и обнаруживая все больше странных вещей – ключи от прежней квартиры, записную книжку с заметками по проектам, которые делала так давно, что даже не помнила имена заказчиков, таблетки «Барофена» (у нее болит голова? Да ее голова не болит с тех самых пор, как Чейзер вылечил ее после памятной погони), – Лайза тонула в ощущении случившейся беды.

Нет, что-то пошло не так. Совершенно очевидно пошло не так. Почему у нее в руках старые предметы, а на теле – старые вещи?

Память? Нет, память осталась при ней, а вот номер Мака Аллертона исчез из контактов мобильного точно так же, как исчезло с пальца кольцо, – попросту канул в небытие.

– Виски... Мне еще один виски! Срочно!

Бармен поспешил выполнить заказ – уловил в голосе посетительницы истеричные нотки. Долил в стакан янтарной жидкости и тут же поспешил удалиться.

– Быть этого не может... Ключей от дома тоже нет. Только от старой квартиры...

Что... Что происходит?

Лайза чувствовала, что начинает дрожать – от непонимания, от страха, от паники, наступающей на нее неотвратимо, словно ураган, надвигающийся на город, колотящий в окна и срывающий хлипкие двери с петель. Она должна поехать домой. В особняк, к Маку. Он обязательно объяснит ей произошедшее, успокоит, прижмет к себе теплыми руками и, как бывало всякий раз, покажет, что мир остался стабилен, безопасен и понятен. Привычно прошепчет: «Тебе нечего бояться, принцесса, я же с тобой...»

Да, домой. Если Мак еще не вернулся с задания, она дождется его. Заодно успокоится, поищет в шкафах сумку и новые туфли. Отыщет костюм, прижмется к ткани лицом, поймет, что ничего страшного не произошло, увидит подписанный утром договор лежащим в кабинете на ее столе.

Это просто шутка – неудачная, дурацкая шутка, сбой, и все будет хорошо. Будет. Должно... нет, обязано быть!

* * *

Нордейл пах солнцем, одуванчиками, цветущим шиповником и летом.

В старой сумке нашлись деньги, чтобы расплатиться с барменом, но их не хватило на такси.

Двадцать три доллара. Когда она вообще в последний раз выходила из дома с такой мизерной суммой в кармане? О чем думала?

Двадцать три доллара. Ерунда какая-то...

От бара «Выпей у Чарли» до особняка на Карлетон-Драйв – два с половиной или три часа пешком. Если автобус полз в этот район почти сорок минут, то на своих двоих она доберется домой только к закату. И хорошо, что на ногах кроссовки – впервые с момента выхода из Портала Лайза порадовалась этому факту.

Ладно, все не так плохо. Теплый день, отличная погода, густые тени деревьев укрывают от солнца. На обочинах – тополиный пух, воздух густо пахнет разросшейся по обочинам дороги травой, улица идет под уклон – шагать легко. А если еще и попадется киоск с прохладной водой, то жизнь и вовсе наладится. Наверняка где-то по пути встретится автобусная остановка, и тогда Лайза сядет на подходящий маршрут.

Разум царапнула неуловимая тревожащая мысль: тополиный пух в конце июля? Так бывает? Наверное, бывает, постаралась успокоить себя Лайза. Бывает. Погодная аномалия, жаркий район, климатический сдвиг. Ведь в Нордейле есть вечно осенний парк, так почему бы в августе на незнакомой улице не лежать тополиному пуху?

Чем дальше она двигалась по направлению к центру города – тихая аллея, бульвар, перекресток, – тем многолюднее становились улицы. По бокам запестрели вывески магазинов, громче затарахтел транспорт, к свежему аромату цветущей зелени все чаще начал примешиваться запах выхлопов.

Воды... Надо бы все-таки купить воды.

Огибая легко одетых пешеходов – в этот жаркий день все старались облачиться в сарафаны, шорты и шлепки, – Лайза щурилась от солнца и пыталась понять: не киоск ли с водой маячит впереди по курсу?

Точно, он. Небольшой холодильник, ряды бутылок на полках, ползущий по земле шнур и тень от наклонившегося зонтика. То, что нужно, чтобы сделать небольшую остановку и передохнуть; она заторопилась вперед.

Как же жарко...

Синоптики точно не обещали такой жары – она смотрела выпуск утренних новостей, когда жевала круассаны, и совершенно точно помнила прогноз погоды: плюс двадцать два, плюс двадцать четыре. Она никогда бы не надела белый костюм, если бы знала, что столбик термометра поднимется до плюс тридцати. А вокруг точно тридцать, если не больше.

От ледяной воды сводило горло, но Лайза глотала ее без остановки. Допьет эту – купит еще, чтобы была с собой: никому не нужен солнечный удар, тем более когда дел так много.

Притаившись в тени пыльного синего зонта, она наблюдала за тем, как к киоску подошел немолодой мужчина в кепке, попросил продать ему бутылку холодного чая.

Нет, чай – это не то, а вот кепка – это хорошо, это правильно. Ей бы и самой не повредил головной убор... черт бы подрал нерадивых синоптиков.

За спиной, где располагался газетный стенд, послышались голоса – подошел покупатель, поднялся с небольшого колченогого стула продавец.

– Сегодняшняя есть?

– А как же! «Новости Нордейла», «Сегодня», «Городская жизнь», «Четырнадцатый»...

– Нет, «Четырнадцатый» не надо – там всё про всё, а вот «Новости» возьму. Есть что интересное?

– Конечно! Вчера завершился марафон по сбору средств для открытия нового городского парка, ушел с поста начальник финансовой корпорации Тюрье...

– Неинтересно.

– ...Открылся новый торговый центр и ресторан для гурманов – это в центре, запустили дополнительную линию автобусов по Шестидесят Четвертой улице до площади Летуар, есть результаты спортивных матчей, наконец-то выбрали имя новому мосту через Айлу...

– Ну, и как назвали?

– Голберн. Хорошее название, да? Мне нравится.

Стоящая с пустой бутылкой в руке Лайза застыла. Затем медленно повернулась вокруг собственной оси, удивленно уставилась на продавца – молодого вихрастого парня в белой футболке, – посмотрела на покупателя – мужчину с недовольным, но аристократическим лицом, – опять перевела взгляд на мальчишку и хмыкнула.

– Вы чего? Этот мост переименовали еще в прошлом году. Сначала в Голберн, потом в Оутервэй. «Голберн» жителям не понравилось – прожило всего неделю.

– Ошибаетесь, – близко посаженные глаза на узком лице мигнули. – Только вчера утвердили Голберн. Вот, тут все написано. У вас, наверное, новости из какой-нибудь желтой прессы.

В руках продавца зашуршала газета.

– И «Сегодня» об этом пишет, и «Четырнадцатый»...

Да быть такого не может! Какие еще желтые новости? Лайза сама посмеивалась над непостоянством жителей восточного района: то одно им подавай, то другое – все никак не могли угомониться.

– Оутервэй, я говорю! Уже год как. Так и оставили.

– Да вы посмотрите!

Молчаливый покупатель, так и не определившийся с выбором периодики, с интересом наблюдал за спором продавца и темноволосой девушки.

– Вот, читайте сами.

Перед глазами раскрылись два широких листа; Лайза уткнулась носом в газету и с удивлением прочитала: «Решено! Мост через Айлу получит имя Голберн».

– Да быть такого не может. У вас какое-то старое издание.

– Старое? – паренек искренне возмутился. – Дата сегодняшняя, новости за вчера. У меня не бывает старых газет.

Теперь мужик с недовольным лицом улыбался – перепалка его развлекала. На звуки спора высунулся из соседнего ларька лысый продавец.

Нет, точно не Голберн! Она докажет этому пройдохе, который торгует непонятно чем, что мост давно уже носит другое...

В этот момент ее глаза переползли к напечатанной в правом верхнем углу дате – «27 июля. П216».

Ну да, число сегодняшнее... Дата, год.

В этот момент где-то на задворках сознания тревожно зазвенел колокольчик.

Двадцать седьмое июля – это сегодня, да. Но год-то... Год должен быть П217 – именно таким он был с утра.

– А-а-а! Ну вот и ошибка! Вы продаете газеты за прошлый год.

– Что?! Какой прошлый год? – паренек тут же притянул газету к себе и уткнулся в нее. – Вы что такое говорите! Год правильный, этот!

– Да какой же этот, если на дворе двести семнадцатый год второго тысячелетия?

– Двести шестнадцатый, дамочка. Вы что, с дуба рухнули? Двести шестнадцатый.

Теперь он смотрел на нее как на диверсанта, пытающегося подорвать продажи. «Идите уже отсюда, идите, – говорили карие глаза, – вы пугаете моих покупателей!»

– Ну как же! Сегодня двести семнадцатый год, я же точно это знаю!

Молчавший до того покупатель вступил в разговор.

– Нет, милочка. Двести шестнадцатый. Все верно, второго тысячелетия.

– Ага, – подтвердила лысая, торчащая из ларька голова. – До двести семнадцатого еще дожить надо!

– Да вы что!.. – голос Лайзы вдруг ослаб, перешел на хриплый шепот. – Быть такого не может. Ведь... не может?

«Вы мозгами двинулись», – вещал взглядом молодой продавец.

– Вы просто перепутали. Так случается. Наверное, хорошо погуляли накануне?

Кажется, мужику с аристократическим лицом стало ее жалко.

– Да перегрелась просто, бывает.

– А что, вы говорите, мосту могут дать другое имя?

Последней фразы Лайза не расслышала – перед глазами стояла напечатанная в углу газеты дата «27 июля. П216».

П216... П216... П216... Быть такого не может. Год не тот. НЕ ТОТ!

– Это... какая-то ошибка...

Она чувствовала себя плохо – утомившейся, перегревшейся, безвольной, стоящей совсем не там, где должна была стоять. Все эти слова, лица, люди, газеты – ее начинало тошнить...

– Хотите еще воды? – участливо спросил за спиной лысый. – Я вам просто так дам, без денег.

– Не надо... Ничего не надо.

Это Нордейл. Июль.

Но год не тот.

Двадцать седьмое июля не того года. Как?..

Не разбирая направления и желая лишь одного – сесть, рухнуть на газон, – Лайза слепо попятилась прочь из спасительной тени зонтика, прочь от газетного стенда, прочь от говорящих ерунду людей.

– Возьмите все-таки воды. Девушка! Возьмите...

Хлопнула дверь; невысокий лысый человек, одетый в шорты и бежевую майку, вышел из ларька, в руках он держал пластиковую бутылку.

– Эй, дамочка? Не нужно садиться на траву... Вам плохо? Возьмите воду, слышите? Возьмите.

Откуда-то сверху на нее смотрели два расплывчатых пятна – взволнованные лица парня в белой футболке и так ничего и не купившего мужчины с аристократическим лицом; в ладонь упиралось дно холодной бутылки.

* * *

Спустя полчала Лайза яростно топала ногами по земле, приминая траву.

– Я. Не! Просилась! Сюда! В Нордейл, но не сюда! НЕ НАЗАД во времени!

Редкие прохожие смотрели на нее как на психопатку, а она, не обращая внимания на изумленные взгляды, зло пинала землю.

– Покажись! Покажись, чертова будка! Дай мне войти!!!

На ее крики оборачивались, удивленно таращили глаза, какой-то парень даже заблаговременно перешел на другую сторону улицы.

– Исчезла, и все?! Думаешь, тебе это сойдет с рук? Чертов Портал! Чертов! Возникни назад, и поговорим...

Она была готова драться, боксировать, бросаться на стены, драть обшивку двери руками.

Если бы были стены. Если бы провалившееся сквозь землю помещение Портала возникло вновь.

– Где ты? Где? Куда ты подевался?

Лайза упала на землю и принялась ползать между деревьями по покрытому травой и цветами пятаку – теперь комья земли полетели уже из-под пальцев.

– Покажись!

Выдернутый стебель подорожника отлетел на проезжую часть, в ствол березы ударился испещренный корневищами пук земли, печальная участь постигла и колышущиеся рядом листья лопуха.

– Ну! Давай же! Покажись...

Всего за несколько минут мирно цветущая полянка превратилась в изборозженный человеком-бульдозером котлован, на поверхности которого валялись обрывки соцветий, вырванные с корнем одуванчики, выкорчеванные до основания стебли осота и даже кусты крапивы.

Руки покрылись волдырями и царапинами, кожа горела. Не замечая того, что одежда, колени и обувь в черных разводах, не обращая внимания на боль, Лайза сидела на земле и смотрела прямо перед собой остекленевшими глазами; сердце тяжело и медленно выбивало похоронный марш.

Портал исчез. Откинул ее на год назад и исчез.

Навсегда.

Она что-то сделала не так, что-то не так сказала и теперь находится в Нордейле – тем же днем, но год назад. И это означает, что все те события, что случились позже, еще не произошли. Переезд, совместная отделка дома, счастливые дни с Маком...

О Боже, нет! Она вообще не знает Мака, а он ее. Нет, нет, НЕТ! Так вот почему в телефоне нет номера, а на пальце – кольца...

Боже, не-е-ет...

Несмотря на жару, Лайзу бил озноб.

Старый телефон, старая одежда, старые записи... Все старое. Ничего не было, вообще ничего не было. Эта чертова будка – трижды проклятая будка – стерла не просто историю – она стерла лучшую часть жизни. Их совместной жизни.

Чувствуя, как по щекам катятся слезы, Лайза резко и плотно прижала грязную ладонь к губам – не сделай она этого, и на всю летнюю утопающую в жаре улицу раздался бы тоскливый вой.

Нет, нет, нет, все не так, все совсем не так! Одежда пропала, кольцо тоже – пусть, но Мак помнит, должен помнить – он не смог бы ее забыть!

Он тебя не знает.

От ввинчиваемых внутренним голосом фраз Лайзе становилось настолько мутно, что мыслительный процесс тут же прерывался, замерзал, чтобы через секунду, перешагнув через ненужную версию, выдаваемую паникершей-логикой, продолжить выстраивать новые теории случившегося.

Будка просто пошутила с одеждой и вещами – всего лишь!

И с годом.

Может, все-таки ошибся продавец? Или, может, она действительно все это время жила в двести шестнадцатом году, а с Маком они познакомились в двести пятнадцатом?

Сегодня утром был двести семнадцатый, и ты прекрасно это знаешь.

«Не знаю! – хотелось кричать ей ненавистному голосу. – Не знаю! Не знаю! Я больше ничего не знаю».

Теперь она сидела на лавке в ближайшем сквере, куда добрела на автопилоте, – грязная, напряженная, взвинченная до упора и одновременно подавленная – и смотрела на колышущиеся по асфальту тени ветвей и мелькающие среди них солнечные зайчики. Под ногами валялась пустая сигаретная пачка; вдали радостно сверкали струи фонтана; в чаше, спасаясь от жары, купались воробы.

Где она живет? Где она жила до того, как переехала к Маку?

В квартире на Оушен-Драйв.

Эта мысль показалась Лайзе настолько же дискомфортной, как если бы кто-то попросил ее переобуться из новых туфель в старые неудобные тапки. Нет, она давно их переросла. Как переросла и ту квартиру...

Вновь захлестнуло отчаяние. Гребаная почта! Зачем она забрала ее с собой? Оставила бы в ящике, и плевать на последующие санкции. Санкции... Да любые наложенные санкции были бы лучше того, что случилось теперь!

Мак, Боже, Мак... ты ничего не знаешь... Где-то там, в будущем, твоя Лайза никогда не вернется домой, а ты, наверное, будешь ждать.

Она представила его удивленное лицо при входе в пустой дом: тихие комнаты, висящая в шкафу одежда, все еще смятое покрывало, остатки круассана в мусорке, магнит «Я тебя люблю» на холодильнике – на нем синий мишка обнимает другого, розовую девочку с цветочком в руках. Туда Лайза уже не вернется. Не войдет в двери, не крикнет радостно: «Это я, любимый», не бросится в распростертые объятия, не зароется носом в пахнущую туалетной водой майку, не почувствует, как теплые пальцы перебирают на затылке волосы...

Она не вернется туда, потому что теперь сидит здесь. На лавочке. А в той временной ветке уже ничего не произойдет – она оборвалась, наверное. Или обрекла Мака на одиночество.

Сердце и горло сдавило одновременно. Если бы не присевшая в этот момент на скамейку старушка, Лайза разрыдалась бы в голос, а так она лишь осторожно промокнула глаза, отодвинулась в сторону и сделала вид, что рассматривает фонтан.

Соседка тем временем достала из пакета книгу, протерла висящие на цепочке очки и аккуратно водрузила их на нос – раскрыла страницы на месте воткнутой между ними закладки-календарика, взялась за чтение.

– Простите... – Лайза не хотела спрашивать, но не смогла себя сдержать. Боялась ответа, как мазохист боится очередного удара плетью, но и ждала его тоже. – Можно вопрос?

– Конечно.

Пожилая дама зачем-то сняла очки; закладка-календарик вернулась на место.

– Какой сейчас... сегодня год? – Глупый вопрос, тупой. Как в фильмах про сумасшедших героев, которые не удосужились прочитать инструкцию, прежде чем воспользовались машиной времени. – Двести шестнадцатый?

– Все верно, двести шестнадцатый.

– А двести семнадцатый еще не наступал?

Старушка захлопала глазами, ее испещренные морщинками губы неодобрительно поджались: ясно, тоже решила, что Лайза слишком много приняла на грудь накануне.

– Нет, вы не подумайте... я не пью...

Поздно. Пакет, куда отправилась книга, раздраженно захрустел; вновь мелькнули полы длинной юбки – женщина поднялась и зашагала прочь. От греха подальше. Прежде чем приступить вновь, она пропустила не одну, не две, а целых четыре по счету от Лайзы скамейки.

* * *

Эта мысль пугала сильнее всех прочих: ей необходимо вернуться в особняк и встретиться с Маком. Необходимо убедиться, что он...

Не помнит.

Если бы Лайзе сообщили о том, что ее новую машину угнали, она бы расстроилась, но после пожалала бы плечами – это всего лишь машина, найдут. Если бы попросили вновь сесть на мотоцикл – скрипнула бы зубами и пошла переодеваться в кожаные штаны: надо, так надо. Если бы клиент отказался подписывать контракт – фыркнула бы и отправилась на поиски нового.

Потому что это всего лишь неприятность, а неприятности исправимы – дело житейское, она всегда переносила их стойко.

А вот теперь расклеилась.

За окном вечерело; золотились улицы и окна домов – она все-таки нашла остановку и села в попутный автобус, – и по мере того как двери открывались и закрывались на остановках, приближая ее к конечной точке путешествия, все сильнее хотела сбежать. Попросту выпрыгнуть из салона и нестись сломя голову, пока не выдохнется, не выбьется из сил и не рухнет на землю, чтобы посидеть с закрытыми глазами, а после открыть их и обнаружить, что все это было сном. Что на дворе, как и прежде, двести семнадцатый год.

И можно идти домой...

Штаны не хотели очищаться – три, не три, а пятна все равно оставались. Лайза, насколько это было возможно, отряхнула штанины и майку, убрала с них налипшие семена, пыльцу и приставшие зеленые колючки, но одежда все равно выглядела убого.

Правильно, кто-то ползал по земле на коленях, искал Портал. Кому расскажи – не поверит.

Может, сначала домой? Привести себя в порядок: помыться, расчесаться, накраситься? Но ведь если Мак помнит, то вспомнит ее и такой. И примет. И будет рад независимо от того, похожа Лайза на оборванку или нищенку.

Мак... Ты ведь узнаешь меня? Узнаешь?

Он узнает, уверяла она себя. Уверяла все оставшиеся четыре остановки, пока двери не открылись перед знакомым магазином продуктов «Яркий островок», от которого до особняка всего несколько домов. А вот стоило сойти с подножки и услышать, как автобус, чихнув, отъезжает прочь, вся напускная бравада скатилась с нее, как с измазанной жиром сковородки стекает вода.

Кольца нет, нового мобильника нет. Кто такая Лайза Дайкин ему, Маку? Незнакомка с растрепанными волосами и грязными коленями?

Прежде чем она наконец смогла сделать шаг в нужном направлении, длинная тонкая стрелка часов, висящих на здании напротив, медленно сдвинулась на десять минут правее.

– Ну пожалуйста, откройся! Пожалуйста...

Пальцы вновь и вновь давили на знакомые кнопки, вводили вызубренную комбинацию, но при нажатии «звездочки» замок выдавал неприятный звук, а на экране каждый раз появлялась надпись: «Неверный код».

– Нет, быть такого не может.

Может. Она знала: может. Просто это неправильно, вот в чем дело. Ворота должны открыться. Должны, пожалуйста!

Сенсор также не принимал ее отпечаток пальца – сканировал и выдавал ошибку «Доступ запрещен».

– Черт!

Конечно, запрещен – ты тут не живешь.

Живу... Живу... Жила еще этим утром.

Лайза взялась за прохладные прутья и потрясла их; послышался гулкий металлический звук. Да, с утра она самолично закрывала эти ворота с помощью пульта, который всегда хранился на дне сумки – той сумки, другой.

– Открывайтесь, черт вас дерит! Открывайтесь...

Чувствуя, как рушится последняя надежда на благополучный исход, она не удержалась, со всей силы тряхнула массивные створки, а затем пнула по ним кроссовком – неприятно лязгнули болты, качнулась приделанная наверху камера.

– Дерьмо! Вы должны открыться! Должны... Это мой дом!

Шум остановившейся сзади машины она услышала тогда, когда ворота еще не перестали дрожать.

– Отойди, – раздался за спиной холодный приказ.

Лайза резко обернулась и отшатнулась.

Он сидел в машине – ее Мак, – сидел и смотрел из открытого окна водительской дверцы холодным как стлкая ночь взглядом; губы поджаты, брови недобро нахмурены, лицо спокойно.

Он! Он приехал – ее любимый, ее ненаглядный, самый дорогой в мире человек... и теперь взирал на нее так, будто она была досадной мошкой, непонятно зачем решившей покружить перед лицом.

– Мак! Это я... Лайза! Это я... привет... – сначала закричала она и тут же перешла на смущенное бормотание, чувствуя, как дрожат колени, руки, дрожит все. – Это я!

Тишина. Тихий рокот двигателя и отсутствие слов.

– Это я, Лайза. Ты... Ты (какой дурацкий вопрос) помнишь меня?

Сердце забилось как сумасшедшее. Лайза все смотрела на знакомое лицо, согнутый локоть, черную машину – ту самую машину, – жадно разглядывала лоб, брови, уши, щетину и все никак не могла остановиться.

– А должен?

Эти слова вогнали ее почти в кому – в то самое состояние, когда глаза открыты, но сознание едва ли воспринимает то, что передает зрение.

– Должен? – прошептала она хрипло. – Конечно, должен. Это же я...

– Отойди от ворот.

Да она и так, и так уже отошла – шагнула к машине, хотела было положить руки на дверцу, но непривычно холодный взгляд остановил ее; Лайзе хотелось в негодовании топнуть ногой и разрыдаться у него же на плече.

– Да посмотри же на меня! Неужели не узнаешь? Мак Аллертон, не смей так со мной...

Отсутствие намека на понимание в его глазах резало ее, рвало на части, кололо невидимыми шипами. Улыбнись, пожалуйста, улыбнись и скажи, что это все дурацкая шутка, начавшийся с самого утра розыгрыш. Выйди, прижми, обними!

Еще чуть-чуть – и она расплчется.

– У тебя есть пять секунд, чтобы объяснить, откуда ты знаешь мое имя, – когда из окна машины показалось нацеленное на нее дуло, к первому и еще не прошедшему шоку прибавился второй. – И очень хотелось бы, чтобы ответ прозвучал правдоподобно. Итак, один, два...

Держа ствол в одной руке, он смотрел на часы, а она не могла вымолвить ни слова. Слушала бешеный стук своего сердца и почему-то думала о том, что туалетной водой, запах которой долетал до нее, он давно не пользовался. Это «КреНоше», ее они заменили на «Престиж-Нуатон» – вместе выбрали в парфюмерном отделе, когда ходили за ее новым телефоном.

– ...Три, четыре...

– Элли... – слова будто царапали горло куском стекла. – Я подруга Эллион Декстер. Она рассказала мне о тебе...

Правдоподобно? Это звучит правдоподобно?

Ее колени продолжали дрожать и тогда, когда дуло исчезло. Самый большой, самый немислимый кошмар воплотился в жизнь – Мак ее не помнил. Смотрел и не узнавал, целил в нее из пистолета, не желал, чтобы она приближалась к его машине.

Если бы в этот момент кто-то случайно подсунул ей яду, она бы выпила его, не задумываясь.

– Сегодня твой день, не так ли? – водитель равнодушно улыбнулся, нажал на кнопку пульта; ворота перед машиной начали расходиться в сторону.

– Мой день?

Она не понимала. Ее день?

Взгляд Лайзы приклеился к расплзающимся створкам. Сейчас он уедет, а она останется – здесь, на улице, не с ним...

– Да, твой. Потому что сегодня ты не умрешь. Скажи спасибо Элли.

И черная машина, линии и изгибы которой она так хорошо помнила, неторопливо проехала мимо.

Раньше она не понимала суицидников. Считала их слабыми людьми, раздувающими свою личную, часто маленькую проблему до кризиса мировых масштабов; людьми, превращающими муху в слона. А теперь, сидя на лавочке у той же остановки, где ранее сошла с автобуса, вдруг неожиданно и спокойно приняла факт их существования. Нет, они не мягкотелы, эти люди... Просто проблемы иногда бывают очень сложными, почти нерешаемыми, а твои руки – слишком слабыми, чтобы остановить неправильно вращающееся колесо судьбы. Иногда Создатель взваливает на твои плечи слишком много – поднять бы, да трясутся колени и на исходе силы.

Так бывает, да... просто бывает.

Шли по своим делам прохожие, качалась растущая у бордюра трава, плыл над дорогой выхлоп от проехавшего мимо грузовика, медленно и неслышно садилось солнце. Жара спала.

Июль. Двадцать седьмое число.

Двести шестнадцатый год.

Где-то там, в собственном доме (куда никогда не ступала ее нога), собирается ужинать Мак: вешает на стул в спальне футболку, раздумывает о том, что достать и разогреть из холодильника. Он уже забыл, что встретил странную девчонку у ворот, – проехал мимо и стер ее из памяти. Она не цель, не подлежащий уничтожению объект, а значит, стоит ли помнить?

А Лайза...

Она сидит на остановке, смотрит на грязные колени, на расцарапанные ладони, смотрит вдалеке, на противоположную сторону улицы, – туда, где растет куст шиповника, – и, кажется,

уже не задается вопросом «за что?», не ищет глубокий смысл жизни. Кажется, она вообще потеряла способность мыслить.

И хорошо. Пусть эта способность никогда не возвращается, никогда. Пусть она тоже забудет сегодняшний день, пусть он случайно выпадет из памяти, пусть канет в ту временную ветку, которую она никогда не проживет.

Некогда знакомую улицу тихо накрывали синеватые сумерки; звякал над дверью «Яркого островка» колокольчик, выпускал наружу людей, держащих пакеты – с чаем, печеньем, сыром или молоком. Они пойдут домой, у них все здорово – дома их помнят и ждут.

Спокойно, мирно, пусто, почти хорошо: ни мыслей, ни эмоций – вакуум.

Кажется, ей тоже надо куда-то идти. Но куда?

На номер и маршрутную карту подъехавшего автобуса – третьего по счету – Лайза смотрела стеклянными глазами.

* * *

Ее квартира всегда была аккуратной, с любовью обставленной и уютной, но войти в нее этим вечером оказалось сродни попытке влезть в старую разбитую скорлупу – тесную, выцветшую, с колющимися и цепляющимися за раны краями. И теперь, свернувшись на диване калачиком, Лайза думала о том, что ее выкинуло из жизни – вышвырнуло гигантской волной из моря на берег. Нет, жизнь осталась, она кипит там, за окном, только внутри образовалась жуткая пустота.

Что-то нужно делать, как-то трепыхаться, что-то предпринимать, но силы иссякли – их не осталось на то, чтобы придумать хотя бы одну стоящую идею. Все вокруг стало неважным, чужим, а из головы не уходило лицо Мака. Знакомое любимое лицо с незнакомым взглядом.

«У тебя есть пять секунд, чтобы объяснить, откуда ты знаешь мое имя...»

Откуда?

Знал бы ты, как много я о тебе знаю... И как сильно я тебя люблю. Почему, Мак? За что?

А ведь где-то там есть «ее» Мак, который этим вечером не дождался любимую домой. Наверное, есть. Если временную ветку – их ветку, – в которой он существовал, не стер Портал.

Эти мысли причиняли столько боли, что приходилось гнать их прочь. Отцепитесь, отстаньте!

Она отдохнет, успокоится и обязательно что-нибудь придумает. Она еще не на краю, по крайней мере, не на самом, а значит, поборется, не сдастся вот так просто.

Только бы заснуть, только бы унять беспокойный мозг, твердящий, что ничто уже не станет прежним.

Нет, станет! Она же Лайза, она сумеет найти выход из ситуации, и Мак все вспомнит. Ей бы только пережить этот вечер, пережить этот кошмар и не поверить в него – не сделать его своей новой реальностью. Потому что выход исчезает только тогда, когда человек верит, что выхода больше нет. А это не так. Не так.

Из-под закрытых век, стекая по щеке к уху и образуя на подушке мокрое пятно, одна за другой катились слезинки.

Глава 2

Утро принесло с собой острые как бритва размышления, трезвость рассудка и пустоту в сердце. Вокруг лежали те же узорчатые подушки, разлаписто упершись в ковер, стоял тот же бежевый с сиреневым рисунком диван, окружали стены пустой и тихой квартиры – бывшей квартиры.

Значит, она не перенеслась. Не проснулась в собственном времени, не открыла глаза там, где должна была, – в постели Мака, под его теплой рукой.

Холод усилился.

Нужно что-то делать. Срочно что-то делать.

Лайзе казалось, что если она не исправит эту чудовищную ситуацию сейчас, то не исправит ее уже никогда: время насмеялось над ней, заглывало в бездонную пасть, приказывало смириться.

Смириться...

Ну уж нет!

Распахнутая форточка впустила в комнату радостный щебет птиц, свежий июльский ветер и шелест листвы, наполнила тишину гулом проходящих под окнами машин.

Уставившиеся в окно глаза осоловели созерцали зеленую улицу; в голове медленно двигались по кругу мысли, словно гигантские шестерни, застревающие в щедро рассыпанном паникой невидимом песке.

Весь этот ужас исправлять должен тот, кто его придумал, а не она, Лайза. Она лишь выполнила предписание: вошла в будку, выслушала предложение робота и вежливо отказалась от Перехода. Всё. Всё!

В груди завертелась новая волна злости: да, она ошиблась в одном слове... или в двух. Где-то озвучила неверный запрос, выдала некорректную формулировку, но не она, черт возьми, строила Портал, не она – Дрейк! Вот ему и отвечать... Пусть теперь выслушает жертву обстоятельств, натянет на непроницаемое лицо скорбное выражение, сочувственно похлопает ее по плечу и все уладит.

Как? Не ее дело.

Вообще. Не ее. Чертово. Дело!

Ему придется что-нибудь придумать – пусть хоть наизнанку вывернется, перекроит всю свою гадскую систему и отправит ее наконец назад.

Да, Дрейк!

Ей стало легче. Хотя бы на минуту. Конечно, он поможет, должен помочь: она ведь не женщина мусорщика из дома по Сорок Второй, она – женщина Мака Аллертона.

Бывшая.

Настоящая! И всегда ей будет!

Пусть даже никто пока об этом не знает... не помнит.

Собрав воедино хлипкую часть плана, шаткую и наспех склеенную изолентой, Лайза принялась размышлять о том, кто в отсутствие прямого телефонного номера сможет связать ее с Начальником.

Ответ пришел сразу: Элли.

А если не Элли, то Рен.

Да, точно – Рен Декстер.

* * *

Рассказ дался ей не просто тяжело – он стал настоящей пыткой. Сорокаминутным испытанием, во время которого Лайзе то и дело хотелось схватить подругу за ворот голубой блузки, потряхнуть и заорать прямо в недоумевающее лицо: «Да! Целый год! Мы жили с ним вместе целый год! Я же тебе объяснила, как все произошло, объяснила про Портал, про ошибку, про временной скачок... Ну нельзя же быть такой... дурой!»

Нет, она ничего из этого не сделала и вместо этого сидела на кухонном табурете и корила себя за непонятно откуда взявшуюся агрессию – разъявившего клыкастую пасть монстра.

Элли ничего не помнит... не может помнить. Она не виновата... не виновата...

Но то, как подруга возила десертной ложкой, размазывая по кромке просыпавшийся на блюде сахар, то, как она намертво уперлась взглядом в чашку, лишь бы не смотреть в глаза Лайзе – свихнувшейся Лайзе, – откровенно говоря, бесило.

– Ты... и Мак? – сахаринки налипали на замоченную в кофе ложку, утопали в коричневой лужице-следе, радостно ныряли в мелкий омут с головой, чтобы стать частью сладкой жижи; пузато надувалась от ветра прозрачная белесая занавеска в цветочек. Ухоженно поблескивала выгнутыми боками тщательно вымытая посуда – Элли ее натирает или Антонио? – Поверить не могу... Нет, я, конечно, пару раз думала о том, чтобы вас познакомить, но, зная твой характер... и его характер... вы оба такие разные...

Лайза тихо зверела.

«Да кто ты такая, чтобы судить? Кто?! Откуда тебе знать, подошли бы мы друг другу или нет? А ведь мы подошли, мы жили очень счастливо...»

Она всерьез опасалась, что, если сейчас позволит себе открыть рот и выпустит наружу хоть одно ядовитое слово-пчелу, долгие и крепкие отношения уже никогда не станут прежними. Элли не поймет: ни неоправданной ярости, ни сжавшихся кулаков, ни вылившейся на голову серной кислоты в виде горькой фразы.

Спокойно... Спокойно...

– Ты нас и не знакомила. Мы познакомились сами, случайно.

– Как здорово! Ой... наверное, не здорово теперь, да? Но знаешь, все это так похоже на сказку...

На выдумку.

Лишь бы не раздулись, как у быка, ноздри, лишь бы не повалил из ушей злой черный дым.

– Он не помнит меня теперь. Не помнит ничего из того, что было. А я помню...

– А... – Элли неуверенно замялась. Понимала, что даже озвученное устами близкой подруги подобное предположение может стать катализатором ссоры, но все же решилась: – А ты уверена, что это все тебе не...

– Приснилось?

Теперь Лайзе однозначно казалось, что ее невидимые клыки уже никогда не втянутся обратно – так и останутся висеть, упираясь не то в шею, не то в пузо, а не то и вовсе бороздя острыми концами кухонный пол. Большие клыки, крепкие.

– Уверена, – более безэмоциональным произнесением этого слова мог бы гордиться только робот. Или Дрейк. Пережив очередной приступ раздражения, она добавила: – Столько деталей, столько подробностей, столько информации. Откуда я, по-твоему, могла ее взять?

– Ну...

И тишина.

Внятный ответ, да уж. Крайне полный и исчерпывающий, тем более что продолжения за многозначительным «ну» так и не последовало. Снова скажет «приснилось»? Если да, то Лайза покинет эту квартиру в течение минуты. А она еще думала, что будет плакать на плече –

рыдать, икая от слез и выпитой воды, утирать сопли белоснежной салфеткой и вновь изливать на идеально чистой кухне волны горькой на судьбу обиды.

– Мы жили вместе, понимаешь? – горло сжалось от спазма, запершило. – Жили душа в душу, как пара, как счастливые люди. Как вы с Реном.

– Правда?

Кажется, Элли начала понимать. А если не понимать, то хотя бы сочувствовать – перестала смотреть как на идиотку, прониклась не то искренностью тона, не то правдивым выражением в глазах, которое не симитировать, не подделать, как ни старайся.

– Да. У меня было его кольцо... Я каждый завиток на нем помню, – Лайза потрогала палец – пустой, раздетый и одинокий. – А теперь оно исчезло, как все остальное. Моя сумка, другая одежда и... ваша память.

– Грустно. И глупо, – белокурая подруга вдруг стала прежней, верящей. Голубые глаза наполнились печалью и тем самым состраданием, на которое Лайза с самого начала рассчитывала. – А знаешь, жаль, что я этого не помню. Ни вашей встречи, ни твоего звонка, что ты пыталась сделать из его кинозала, ни ваших счастливых лиц. Я бы, наверное, очень обрадовалась.

Все, теперь Лайзе хотелось плакать – безудержно, навзрыд. Оказывается, куда как лучше, когда на тебя смотрят как на обезумевшую дуру, нежели когда окружают жалостливой заботой.

– Я исправлю, – прорычала она самой себе, чужой кухне, всему свету. – Я все исправлю, слышишь?

– Но как?

– Как? Придумаю... Нет, пусть придумывает Дрейк. Ты сможешь мне с ним связаться?

– Я?

– А кто еще?

– Но я...

«Я его боюсь, – вот что она хотела сказать и не сказала. – Боюсь до дрожи в коленях, до спазмов в желудке, до панической атаки».

Конечно, стоило сразу сообразить, что звонить злему и страшному Начальнику Элли не пожелает даже под пытками. Не после Корпуса, пусть даже все осталось в прошлом.¹

– Тогда Рен. Пусть об этой встрече договорится он. Ты сможешь попросить?

– С... смогу.

– Спасибо. Я буду очень ждать. – Лайза наклонилась вперед и впервые с того момента, как пришла в этот дом, коснулась пальцев подруги. – Мне это очень нужно. Очень, слышишь?

– Лай... – сокращение прозвучало родным и знакомым, на секунду повернуло время вспять – не туда, где холодно и одиноко, а туда, где ее когда-то помнили и любили.

– Что?

– А ты уверена, что хочешь этого? – секундное замешательство, неуверенность, страх. – Хочешь вернуться в свое другое прошлое?

– Конечно! – С чего тут размышлять? Прыгнула бы прямо сейчас и ни секунды не медлила бы. – А почему ты спрашиваешь?

– Но ведь тогда... ты отсюда исчезнешь? И я тебя больше не увижу?

Какой странный, глубокий и правомерный вопрос. Действительно, что случится, когда Лайза отправится (если отправится) назад? Она исчезнет из этой временной ветки как никогда не существовавшая личность? Нет, постойте, все не так: просто здесь останется другая Лайза, которая никогда не знала о новой... наверное. Ведь жила же она здесь до этого, работала, покупала квартиру, чинила «Мираж» и общалась с Элли. Вот она и будет жить дальше...

Сложно, запутанно, до кома в горле и скрипа в голове.

¹ Речь идет о событиях, описанных в книге «Ассасин».

Наверное, Элли даже не вспомнит, что другая Лайза-попаданка приходила к ней в гости и рассказывала небылицы, – это вычеркнется из реальности, как никогда не явившееся на свет событие. Все просто потечет своим чередом, гладко и непрерывно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.